

• И В А Н •

ЛЮБЕНКО

ЧЕРНАЯ МАГНОЛИЯ

И Н Т Е Р Е С Н Ы Й Д Е Т Е К Т И В

Клим Ардашев

Иван Любенко

Черная магнолия

«Автор»

2014

Любенко И. И.

Черная магнолия / И. И. Любенко — «Автор», 2014 — (Клим Ардашев)

ISBN 978-5-699-69560-7

Сибирский предсказатель легендарный Григорий Распутин оказывается в курортной Ялте в одно время с присяжным поверенным Климом Ардашевым, который приехал присмотреть себе уютную дачку, а столкнулся с очередным международным заговором! Английская разведка и русский генштаб готовят устранение «опасного старца», владеющего тайной чертежей вертолета – тактического оружия войны. И только Ардашев понимает, что Распутина нужно спасти любой ценой, поскольку он просто пешка в игре империй...

ISBN 978-5-699-69560-7

© Любенко И. И., 2014

© Автор, 2014

Содержание

1	5
2	9
3	11
4	13
5	15
I	15
II	18
6	20
7	25
8	27
I	27
II	29
9	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Иван Любенко

Черная магнолия

1

Секретное совещание

Санкт-Петербург, марта, 10-го дня, 1912 г.

Черные свинцовые тучи низко нависли над Невой, грозя опрокинуть на город все небесные воды, скопившиеся на небесах за долгую зиму. Случайные прохожие торопились домой, пытаясь спрятаться от подступающей с запада стихии. Ветер рвал пологи извозчичьих колясок и нещадно трепал брезентовые крыши суетливых, грозно урчащих автомобилей. Под козырьками каменных зданий испуганно жались нахохлившиеся голуби. И только безмолвный ангел на Александровской колонне невозмутимо взирал на Зимний дворец, не обращая внимания на приближающиеся со стороны Финского залива раскаты грома. Пахло морем и холодной мартовской сыростью. На землю сорвались первые крупные капли дождя. Часы в проеме арки Генерального штаба показывали без четверти восемь. Стемнело. Дворцовая площадь почти совсем обезлюдела.

Несмотря на поздний час в окнах военного ведомства все еще горел электрический свет. В кабинете находился и полковник Ладыженский. Заведующий особым отделом делопроизводства, помощник 1-го обер-квартирмейстера Главного управления генерального штаба ждал гостей из Министерства иностранных дел.

За плечами сорокалетнего офицера остались дерзкие кавалерийские рейды по тылам противника во время русско-японской кампании и командование отдельным корпусом пограничной стражи в составе 3-й Маньчжурской армии. Но с июня 1911 года, когда военный министр Сухомлинов утвердил «Положение о контрразведывательных организациях», Александр Петрович возглавил первую в России структуру, призванную бороться со шпионством. Тогда же Ладыженский был представлен Государю. Николай Александрович встретил нового назначенца с доброй улыбкой. Его Величество спрашивал о жене и детях полковника, интересовался его предыдущей службой, в общем, говорили о том, что не имело ни малейшего отношения к контрразведке. А узнав, что кандидат на новую должность любитель побродить с ружьишком, император пустился в обсуждение деталей охоты с русскими борзыми. Аудиенция продлилась почти час – вдвое дольше отведенного времени, и самодержец проводил гостя до самых дверей.

Вскоре молодая спецслужба получила отдельное финансирование и право на проведение любых акций, в том числе и ликвидаций. Словом, еще и года не прошло с того времени, как Россия-матушка обзавелась собственной *Sûreté générale*. Видимо, по этой причине и штат новой структуры был еще не укомплектован. И не то чтобы желающих не было – нет, таковых хоть отбавляй! Для новой работы требовались люди, умеющие взглянуть на решение проблемы неординарно, с необычного, так сказать, ракурса.

Зачастую работа контрразведчика – кабинетное сидение, от которого впору титулярную болезнь схлопотать. Тут уж не до лихих сабельных атак или жандармских засад на явочных квартирах. Здесь все, как в шахматах: кто умнее и терпеливее – тот и победитель. «Благо, с заместителем повезло. А впрочем, в этом нет ничего удивительного, – похвалил себя полковник. – Сам выбирал, из своих, из пограничной стражи». Ладыженский мысленно усмехнулся: «А капитан Мяличкин во всем старается походить на меня. Даже усы фабрикат так же... Но офицер не промах – на десять лет моложе, а столько знает! Пятью языками владеет в совер-

шенстве, а на трех свободно читает и весьма неплохо изъясняется. Куда уж мне тут со своим французским и немецким... Но ничего, – он бросил взгляд на лежащий рядом с настольной лампой «Учебник английской речи» Берлица, – глядишь, и наверстаем!»

Начальник российской контрразведки поднялся из-за стола и, с удовольствием разминая затекшие ноги, прошелся по кабинету. Не успели напольные часы ударить восемь раз, как в дверь постучали. На пороге кабинета появился невысокий капитан в сопровождении двух незнакомцев.

– Разрешите, господин полковник?

– Входите.

Статный господин с мушкетерскими усами и жокейской бородкой протянул руку:

– Позвольте представиться – князь Мирский, Иннокентий Всеволодович – начальник Азиатского департамента МИДа, а это мой заместитель, – он повернулся к стоящему рядом молодому мужчине с бритым лицом, – Аркадий Никитович Чирков.

– Ладыженский, Александр Петрович. Прошу садиться. Итак, господа, я вас внимательно слушаю.

– Начну с самого главного, – чиновник устремил на хозяина кабинета внимательный взгляд, – буквально на днях мы получили информацию от нашего источника. По его сведениям, в ближайшее время англичане планируют провести операцию по устранению Григория Распутина.

– Ох, господи! – не удержался полковник. – С чего бы этот прохиндей удостоился внимания Альбиона?

– Тут все дело в политике. На Балканах, как вам известно, медленно тлеет костер войны. Сербия, Черногория, Болгария и Греция не сегодня, так завтра начнут наступление против Турции. Не скрою, что в окружении нашего Императора есть горячие головы, ратующие за присоединение России к этой Балканской коалиции. Если это произойдет, то разразится мировая катастрофа. Австро-Венгрия и Германия незамедлительно поддержат султана. Знаете, – дипломат окинул взглядом присутствующих, – я и сам не в восторге, что этот самый лжепророк крутится вокруг семьи Государя, но, как бы там ни было, именно он отговорил Николая Александровича от участия в Балканском союзе. Говорят, что Распутин даже упал на колени перед императором, упрашивая его не принимать поспешных решений. Как вы понимаете, Даунинг-стрит в этом отнюдь не заинтересована. Британцы, столкнувшись с экспансией Германии в Африке и на Ближнем Востоке, спят и видят войну немцев с русскими. Лондон кровно заинтересован в ослаблении как Берлина, так и Санкт-Петербурга.

– М-да, – задумчиво протянул контрразведчик, – а тут появился этот самый сибирский мужик...

Князь кивнул:

– Совершенно верно. Как следует из перехваченной нашим агентом шифрограммы, покушение на Распутина будет возложено на «Союз русского народа». Это патриотическое движение набирает силу и пользуется все большей популярностью. Британцев сие обстоятельство сильно раздражает. Вот поэтому-то они и попытаются убить двух зайцев: устранить «старца» и свалить вину на Союз. Для России участие в войне может оказаться фатальным. Именно поэтому МИД и обращается в ваше ведомство. Вам, несомненно, известно, что некоторые наши сотрудники выполняют специальные миссии за рубежом, однако для работы внутри страны у нас нет полномочий.

– Да и нашей службе без году неделя, – со вздохом выговорил полковник. Он открыл массивную коробку из красного дерева и предложил сигары.

– Благодарю, но я предпочитаю турецкий табак, – вежливо отказался Мирский, доставая серебряный портсигар с царским вензелем на крышке. Однако его молодой спутник не преминул насладиться ароматом настоящего «Упмана».

«А портсигар-то наградной», – отметил про себя Ладыженский.

Закурив регалию, он сказал:

– К сожалению, в России англичане чувствуют себя довольно спокойно. Мы подозреваем, что в окружении Двора имеются британские осведомители. Но согласитесь, операция по устранению Распутина – дело непростое. В особенности учитывая, что к нему приставлены люди не только из дворцовой полиции, но и из жандармерии.

– Я бы просил вас, господин полковник, принять соответствующие меры по сохранению в тайне нашего сообщения. Видите ли, дело в том, что лет шесть назад мой предшественник – коллежский советник Ардашев, находясь в заграничной командировке, выявил среди дворцовой охраны человека, работавшего на Лондон. Тогда мы обратились в департамент полиции, и его удалось обезвредить. Позже предателя приговорили к восьми годам каторжных работ. Кто знает, как обстоит дело сейчас?

– Полностью с вами согласен.

– Разрешите? – поднимаясь, осведомился Мяличкин.

– Да вы не вставайте, Константин Юрьевич, – махнул рукой полковник.

– Насколько мне известно, в ближайшие дни вся императорская семья собирается в Ливадию. Обычно Его Величество проводит там не меньше месяца. Не сомневаюсь, что и Распутин отправится следом. Стало быть, и британский агент должен будет оказаться в Крыму. Предлагаю связаться с нашим отделением в штабе Одесского военного округа и, возможно, командировать в Ялту кого-то из тамошних офицеров.

– Этот вопрос мы обсудим позже, – укоризненно заметил начальник и обратился к гостям: – Господа, вы только что упомянули некоего Ардашева. По-моему, совсем недавно я читал в какой-то газете, возможно, в «Новом времени», что где-то на юге адвокат с точно такой же фамилией раскрыл какое-то запутанное преступление.

– Вы совершенно правы, – не удержался помощник начальника Азиатского департамента. – Клим Пантелеевич Ардашев после тяжелого ранения вышел в отставку и теперь – присяжный поверенный Ставропольского окружного суда.

– Кстати, – добавил Мирский, – это ведь англичане постарались: прострелили ему обе ноги.

– Надо же, какая судьба, – удивился полковник, – из секретных агентов МИДа – в адвокаты захолустной губернии. Однако спасибо за информацию. Что ж, попытаемся обезопасить «старца» и выявить шпиона.

– Желаю вам удачи. А нам позвольте откланяться. Если у нас появится что-то новое, мы тотчас же вас известим.

– Благодарю. Честь имею.

Дождавшись, когда за гостями закроется дверь, Ладыженский вновь подкурил уже потухшую сигару и, глядя в окно, задумчиво произнес:

– А знаете, капитан, говоря откровенно, я бы и не стал мешать британцам. Уж больно пакостен этот Распутин...

– Да, – согласился Мяличкин, – будто чирей на теле.

– Заодно бы и агента их взяли, так сказать, на месте преступления. – Помолчав, он добавил: – Но пока нам придется его оберегать. Князь прав: война России не нужна. Я не сомневаюсь, что люди Сазонова постараются снять с себя всякую ответственность, и в ближайшее время Его Величеству станет известно о состоявшейся беседе. Так что теперь мы не имеем права на ошибку. Через наш канал в «Биржевых ведомостях» мы пустим слух, что старец решил уехать домой – в Тобольскую губернию. Я попрошу, чтобы мне организовали с ним встречу, и постараюсь отговорить его от поездки в Ливадию. Но если он все-таки будет на ней настаивать, то тогда мы попробуем скрыть появление Распутина в Крыму – я передам ему другой паспорт. Насколько мне известно, Григорий Ефимович человек непредсказуемый, у него

на дню семь пятниц. Так что, скорее всего, вам придется отправиться в Ялту и быть готовым обеспечить его безопасность. Если информация МИДа точна, то против вас будет действовать опытный английский шпион. – Он внимательно посмотрел на капитана. – Но я уверен: вы справитесь. К тому же, – полковник едва заметно улыбнулся, – в Крыму сейчас хорошо, тепло.

2

Резидент

Ялта, марта, 12-го дня, 1912 г.

Оберст¹ Людвиг фон Бокль в России находился уже третий год. Опытный агент военной разведки выдавал себя за русского подданного и ничем не отличался от заурядного обывателя из какого-нибудь Вышнего Волочка или Шклова. За это время его отношение к этой варварской стране ничуть не изменилось. В русских его раздражало буквально все: ленивая и праздная беспечность, неряшливость в делах и склонность к чрезмерным возлияниям по любому поводу. Но больше всего его возмущала пронизывающая все слои общества патристическая уверенность в том, что эта огромная империя имеет свой собственный путь развития, отличный от остального просвещенного западного мира.

Недавние крепостные мужики, надменные бородатые купцы, всемогущие вороватые чиновники и даже вечно недовольные жизнью земские врачи с учителями – все были уверены в особом предназначении своей страны. Им казалось, что именно Россия и есть та самая великая держава, которая в скором времени должна солировать на международной арене. Правда, каждый из них видел будущее этого удивительного, построенного на парадоксах государства сообразно его собственным представлениям о нравственности и справедливости.

«Кричат, спорят, революцию чуть было не сделали в пятом году, а ведь сами-то меняться не хотят: куда ни кинь взгляд – повсюду мздоимство, казнокрадство, желание любой ценой получить очередной крест или новый чин; вместо дорог – непроходимая трясина; реки же заменяют собой не только железнодорожное, но и конное сообщение. Так возможно ли им самим навести порядок в своем доме? – мысленно философствовал офицер Австро-Венгерского генерального штаба и тут же нашелся: – Нет. Раз до сих пор не удосужились, значит, не могут... Видимо, дело в том, что русские, как и африканские туземцы в Америке, созданы природой для услужения другим, пусть малочисленным, но более культурным и образованным европейским народам. Так за что же их уважать – этих ивановых, петровых, сидоровых?... За что?..»

Офицер с наслаждением сделал несколько глотков французского коньяка и вновь устремил взгляд в безбрежную даль моря. Он с удовольствием отметил, что последнее задание было выполнено им безукоризненно. Весь месяц уроженец Вены провел в Москве на выставке воздухоплавания.

«М-да... Успехи русских вызвали беспокойство. В особенности доставленный из Киева моноплан Сикорского – этого двадцатидвухлетнего студента политехникума. Его летательный аппарат был оснащен девятилопастным мотором «Аргус» с новейшей системой охлаждения и брал на борт пять пассажиров. На высоте в 1000 метров аэроплан развивал невиданную – свыше 110 километров в час! – скорость. А что такое пять пассажиров? Это как минимум десять 35-килограммовых бомб! Да и аппараты завода «Дукс» тоже представляли несомненный интерес. Вообще-то стоит признать, – грустно подумал фон Бокль, – Россия меняется на глазах! Такое количество изобретений! Даже малоизвестный брянский завод представил новый 40-сильный цилиндрический авиационный двигатель. А летательные аппараты со странными названиями «Чур» и «Лямь»?»

Но герр оберст не был бы истинным «рыцарем плаща и кинжала», если бы не ухитрился сделать невозможное – скопировать на гектографе два совершенно секретных доклада, предназначенных для Его Высочества Великого князя Александра Михайловича. Первый назывался

¹ Оберст – воинское звание в Австро-Венгрии и Германии; соответствует полковнику русской армии. (Прим. авт.)

«О применении аэропланов на маневрах под Москвой в 1911 г.», а второй – «Об использовании артиллерийских орудий особой конструкции для расстрела аэропланов».

Фон Бокль довольно потянулся, припоминая детали операции: «А этому растяпе – генерал-майору стоило бы поменьше пить... Верно, теперь не помнит, с кем в ресторации «шансонеток с гарниром» заказывал».

Он прошелся по комнате и, вновь ощутив привкус любимого напитка, с сожалением подумал: «После такого сногшибательного успеха следовало бы отдохнуть недельку-другую, а тут, как назло, появился этот неугомонный вояка из провинции. Вот и пришлось опять браться за новое задание... Правда, есть в этом и несомненный плюс – считать чаек на южном взморье гораздо приятней, нежели ворон на заснеженной Ходынке», – разведчик пригубил коньяк и залюбовался вечерней бухтой. Там, за развеваемой ветром занавеской, раскинулось бескрайнее синее море. «Море было большое», – вспомнил он недавно прочитанную фразу и на миг задумался, понимая вдруг, что нашел ответ на мучивший его вопрос.

3

Дорожные раздумья

Ресторан поезда «Петербург – Севастополь» был полон. Недавнее новшество – прицепной вагон, в котором готовили еду, – пришлось по душе многим пассажирам. Шестьдесят часов езды по железной дороге, за которые крымский скорый преодолевал две тысячи верст, уже не казались столь скучными. Теперь не надо было торопливо обедать на вокзалах, опасливо поглядывая через окна станционного ресторана, не ушел ли поезд.

Капитан Мяличкин, покончивший с бифштексом, ожидал, когда подадут кофе. Облаченный в строгий костюм контрразведчик с грустным видом смотрел на мелькающие за окном картинки южнороссийского пейзажа. Степь покрылась зеленым ковром. Среди еще невысокой травы, перемешанной с кустарниками, виднелись сине-желтые полосы полевых цветов. «Надо же, в столице холодно и сыро, а здесь суший рай», – любясь видом, подумал он. Но мысли настойчиво возвращались к предстоящему заданию. «Итак, полковник решил, что мне не стоит терять время и появляться в штабе Одесского военного округа. Достаточно одной шифрованной телеграммы и телефонного разговора. Их представитель – ротмистр Берг – будет ждать меня в Ялте. Пароль: «Экскурсии на автомобиле совсем не утомляют». Отзыв: «Да, но местные дороги оставляют желать лучшего». По мнению Ладыженского, отыскать английского агента будет легче, если прибыть в город инкогнито, выдавая себя за гражданское лицо. Он вспомнил, как начальник, пустив сигарное облачко, сказал: «Главное, Константин Юрьевич, не допустить покушения на Распутина. Вы должны спасти его любой ценой. Идеальный вариант – вычислить британского агента заранее и нейтрализовать. Лучше, конечно, взять живым. При аресте не рискуйте – используйте полицейский наряд. И, пожалуйста, не лезьте на рожон. О вашей храбрости я наслышан еще по японской кампании. Телефоните мне ежедневно. Офицер из штаба округа подключит местную агентуру. Руководство операцией лежит на вас. Билет возьмите в международный спальный вагон. По прибытии в Ялту остановитесь в приличном отеле. Денег не жалейте. Я распорядился выдать вам повышенные командировочные и солидную сумму на непредвиденные расходы. Когда приедете, первым делом осмотритесь и лишь потом принимайте решение. Ялта – городок небольшой. Местного населения там всего тринадцать тысяч. Сейчас, в пасхальный сезон, отдыхающих немного. Посетите рестораны, клубы, ну... – он снова потянул регалию, – не мне вас учить. План обдумаете на месте и сообщите. Так что с Богом!»

Капитан отхлебнул принесенный кофе и вновь погрузился в раздумья: «Проблема заключается в том, что у меня времени в обрез. Известно, что царский кортеж прибудет в Ялту в Вербное воскресенье – восемнадцатого, то есть всего через три дня. За ним, предположим на следующий день, явится «старец». А я окажусь в Ялте завтра – тринадцатого марта. Выходит, до приезда Государя у меня останется только пять дней, а до появления Распутина минимум шесть-семь. Маловато. Рассчитывать, что, слоняясь по людным местам, я обязательно натолкнусь на англичанина и пойму, что именно он и есть агент, – смешно. Следовательно, у меня остается единственный вариант – следить за Распутиным, фактически его охраняя. Одновременно придется присматриваться к окружающим. Во всяком случае, надобно поставить себя на место этого британца и предугадать его действия. Но заглянуть в рестораны, клубы и казино все равно не мешает».

Мяличкина отвлекли возгласы двух иностранцев за соседним столиком. Французы о чем-то горячо спорили, уплетая блины с семгой и красной икрой. Рядом с ними находился русский переводчик. Прислушавшись, он понял, что речь идет о разработке какого-то рудного месторождения в Крыму. Оказывается, один из чужеземцев заключил с собственником дого-

вор аренды на десять лет, но сам к разработке не приступил, а на пять лет переуступил свое право соотечественнику с очень хорошим куртажем – тридцать процентов от чистой прибыли, получаемой от продажи руды.

«Дельцы, по-моему, самые большие оптимисты – договора заключают на десять лет... А что такое в России десять лет? – усмехнулся собственным мыслям капитан. – За прошедшие десять лет чего только не случилось: война, беспорядки, страну захлестнул такой террор, что до сих пор из него выбраться не можем... Мало того – снова стоим на пороге очередной катастрофы. Ох уж эти англичане! Ради того чтобы удержать власть в колониях, они готовы ввергнуть мир в новое кровавое побоище!» Капитан вновь обратил внимание на соседей. Один из иностранцев достал из кармана «Биржевые ведомости», развернул их и, повторяя за переводчиком, принялся читать вслух заголовки – выходило весьма скверно, другой же подшучивал и говорил, что русский язык ему знать совсем необязательно, а достаточно выучить всего несколько слов: «барышня», «чуть-чуть», «давай-давай» и «слава Богу». Переводчик скромно посмеивался.

Мяличкин сделал маленький глоток крепкого кофе и вернулся к собственным мыслям: «Итак, план-минимум у меня есть. Теперь посмотрим, что предложит мой одесский коллега и чего стоят его осведомители».

До прибытия поезда в Севастополь оставалось четыре часа.

4

Тайник

На Старом ялтинском кладбище, что на Поликуровом холме, собрался чуть ли не весь город – в последний путь провожали гласного городской управы Дмитрия Мусатова. Известный некогда в столице баритон по окончании карьеры решил поселиться в Крыму. Энергичный от природы, бывший певец рьяно взялся за благоустройство центральных улиц курорта, за что его не раз хвалили на страницах «Русской Ривьеры». Вскоре заезжую знаменитость избрали гласным управы. Экс-король оперных подмостков облюбовал себе довольно странную должность – заведение очисткой городских улиц от мусора. Этот на первый взгляд не совсем понятный для окружающих выбор позволил ему вскоре приобрести в Ялте несколько дач, благодаря чему он сделался довольно влиятельным домовладельцем. Казалось, счастливой жизни успешного дельца ничто не угрожало. Но всего за неделю до смерти он как-то сник и все чаще стал навещать церковь. А третьего дня обошел всех, с кем у него случались ссоры или недоразумения. В разговоре он, как бы между прочим, сожалел, что доставил кому-то обиды, а уходя, тихо извинялся.

Слышали даже, как он оправдывался перед книготорговцем Синани – давним знакомым Чехова, – чью торговлю Мусатов не раз грозился прикрыть. Сказать по правде, хозяин лавки и сам был не подарок – словоохотливый караим и дня не мог прожить, чтобы не покриковать местную и столичную власть, да и его заведение больше напоминало книжный развал, чем солидный магазин, достойный набережной Ялты. И вот теперь этот неугомонный старик стоял у гроба своего недавнего обидчика и робко смахивал скупую старческую слезу.

Лица же остальных участников погребальной церемонии, в особенности коллег почившего, выражали скорее недоумение и растерянность, нежели истинную скорбь. Да и природа грустить не хотела: солнце улыбалось и грело землю; от весеннего ветра слегка покачивались кипарисы, а в тополиных кронах весело переговаривались жаворонки и чибисы; с горных склонов доносился запах цветущего кизила.

После отпевания гроб опустили, и по крышке застучали комья земли. Быстро вырос серый холм, украшенный венками. Вкопали массивный дубовый крест. Батюшка размахивал кадилом и все еще читал молитву. Постепенно люди стали расходиться. Незаметно от толпы отделился человек средних лет в дорогом костюме английского покроя. Он не сразу направился к выходу, а стал прохаживаться по дальней аллее, пытаясь, видимо, отыскать последнее пристанище кого-то из родственников. Остановившись у мраморного надгробия с надписью «Действительный статский советник В. В. Грабс», импозантный господин наклонился и поправил оставленные кем-то красные тюльпаны. Незаметно оглядевшись по сторонам, он отодвинул у самого изголовья камень, быстро извлек тщательно свернутый кусочек папиросной бумаги. Постояв минуту, он перекрестился и как ни в чем не бывало пошел к главным воротам юдоли, где останавливались извозчики.

Забравшись в коляску, он облегченно выдохнул и приказал вознице:

- Гони на Ауткинскую.
- В рупь обойдется, барин.
- Ладно, трогай.

Через четверть часа он уже сидел за столом снятой им комнаты. Записка, исполненная невидимыми чернилами, проявилась почти сразу, стоило ее поддержать над спиртовой горелкой. Сообщение являло собой несколько колонок цифр так называемого «книжного шифра», ключом которого являлась брошюра доктора Дмитриева В.Н. под названием «Лечение морскими купаниями в Ялте и вообще на Южном берегу Крыма». Цифры секретного послания

скрывались за координатами букв: первые два значения, разделенные точкой, указывали страницу, вторые, отчеркнутые дробью, – нужную строку сверху, а третьи – место буквы в строке. Скоро столбцы превратились в текст:

«Я буду ждать вас в пятницу, 15 марта, в полдень, у мола».

5 Ротмистр Берг

I

Александр Самсонович Берг в контрразведке служил уже два года. Тридцатидвухлетний офицер для особых поручений контрразведывательного отделения при Штабе Одесского военного округа прошел не особенно тернистый путь. Можно сказать, что во время его движения по карьерной лестнице ему постоянно везло.

Потомок древнего, но уже обедневшего дворянского рода, переселившегося из Пруссии еще при Екатерине II, в 1904 году окончил Тверское кавалерийское юнкерское училище. Вчерашний юнкер был послан служить в один из дальних гарнизонов Виленского военного округа. Усердное отношение к обязанностям и безупречная репутация позволили молодому корнету обрести звание поручика, а всего через четыре года после выпуска и штабс-ротмистра. Но полковая рутина наскучит любому, даже самому старательному офицеру. Жизнь между летними маневрами, смотрами, строевыми занятиями, неизменным штосом по вечерам и шумными попойками в офицерском собрании все больше набивала оскомину. И когда стало совсем невмоготу, он подал рапорт о переводе в корпус жандармов. Тем более что для этого у Берга имелись все основания: потомственное дворянство, окончание военного училища по первому разряду, православное вероисповедание, отсутствие долгов и шесть лет полковой выслуги.

По прошествии полугода штабс-ротмистр получил наконец приглашение прибыть в Санкт-Петербург для сдачи двух экзаменов – устного и письменного. У Цепного моста, напротив церкви Святого Пантелеймона, располагалось здание Штаба корпуса жандармов.

И если с билетом по истории было проще – пришлось освещать итоги Венского конгресса 1814 года, – то во время письменного испытания попалась весьма заковыристая тема – «Влияние реформ Александра II на развитие экономики России». Словом, за два часа деревянная ручка пера была изрядно истиснута. Но все закончилось успешно, и теперь предстояли годичные курсы.

Уголовное право, производство дознаний и расследований, железнодорожный устав, антропометрия и дактилоскопия, фотографирование и основы психологии – неполный перечень предметов, которые пришлось освоить кавалерийскому офицеру.

Сдав на отлично дисциплины, штабс-ротмистр был зачислен в состав Отдельного корпуса жандармов и направлен в распоряжение Виленского губернского жандармского управления. С первых же дней ему удалось удачно зарекомендовать себя – в подвале дешевой съемной квартиры он обнаружил типографию группы «Российского союза освобождения рабочего класса». Помощник провизора местной аптеки Кац изготавливал прокламации, призывающие к террору. Станок для печатания был замаскирован в обычном столе, а касса для шрифта была спрятана в шкафу. Там же была найдена и уже собранная, предназначенная для покушения на Виленского губернатора самодельная бомба. Как выяснилось во время допросов, этот неуравновешенный молодой человек часто ездил за границу, где и был завербован австро-венгерской разведкой. На полученные из-за границы деньги он и приобрел типографское оборудование. Во время производства дознания Берг сумел завербовать Каца. Еще целых шесть месяцев штабс-ротмистр водил за нос его зарубежных кураторов, отыскивая связников и обнаруживая явочные квартиры. За успехи в службе он получил Станислава II степени и звание ротмистра. Вскоре его рекомендовали в число жандармов, направленных для работы в контрразведывательные отделения при военных округах. Так он оказался в Одессе.

Однако он не был аскетом, проводящим все время на работе. Высокий и привлекательный офицер напоминал героя-любownika из французских романов. Его обезоруживающая улыбка, то и дело вспыхивающая на холеном лице, английские усики и голубые глаза точно магнитом притягивали женщин. И в самом деле, это был человек, который помимо службы еще и не прочь поразвлечься в компании с какой-нибудь очаровательной брюнеткой или блондинкой. Некоторые из его пассий становились не только преданными любовницами, но и великолепными осведомительницами.

Именно такого человека и должен был встретить в Ялте капитан Мяличкин, сошедший на севастопольский перрон. Выйдя на противоположную сторону вокзала, он огляделся. Мимо весело бежали вагоны «электрической конки», куда-то торопились извозчики. Чувствовался запах близкого моря. Впереди, у автомобильной стоянки, находился только один «Руссо-Балт». Недавние попутчики – два француза и переводчик – никак не могли сторговаться с водителем. Неожиданно chauffeur, облаченный в кожаную куртку, указал на Мяличкина. Тут же навстречу направился переводчик:

– Прошу прощения, – выговорил он, – мы направляемся в Ялту, и у нас есть одно свободное место. Вам случайно не по пути?

– Прекрасно. Я еду с вами.

Приветственно улыбнувшись попутчикам, капитан забрался на переднее сиденье и щелкнул крышкой «Бонера» – было три часа пополудни. Водитель, облаченный в кожаный шлем, перчатки и очки, покрутил ручку стартера, и мотор загрохотал. Усевшись за руль, похожий на авиатора шофер с треском включил передачу. Машина тронулась.

«Эх, жаль, что не удалось хорошо посмотреть Севастополь, – с сожалением вздохнул контрразведчик и тут же мысленно успокоил себя: – Но ничего, возможно, мне удастся сделать это на обратном пути. А пока придется довольствоваться видами из автомобиля».

По сторонам мостовой стояли аккуратные особняки – все как на подбор из белого камня. Город, почти полностью разрушенный во время Крымской войны, отстроили заново. «В назидание потомству в виде своеобразного памятника следовало бы оставить хоть один дом, разрушенный неприятелями», – отчего-то подумалось Мяличкину.

Закончилась Гоголевская улица, исчез из виду Исторический бульвар и казармы Белостокского полка. Хорошая дорога закончилась. Тридцатисильный автомобиль то и дело подпрыгивал на кочках и ухабах. Зато на выезде началось гладкое, как столешница, шоссе. Так продолжалось целых семнадцать верст. Слева мелькнули военный лагерь и авиационное поле. В окрест высились холмы и возвышались усадьбы, виднелись кладбища союзных воинов, павших в Крымскую кампанию. Показалось татарское селение. Стайка неугомонных ребятишек неслась за «Руссо-Балтом», прося «копеечку». На околице показалась земская школа. Обдав пылью детвору, «механический экипаж» вновь выехал на шоссе и начал взбираться на Байдарский подъем. Вокруг селений хорошо различались табачные плантации, виноградники, фруктовые сады и орешники.

По пути встретились три маджары, запряженные тощими горными лошаденками. Навстречу проскакали два всадника на иноходцах, тихо плелась «извозчичья корзинка» и одна старая, чудом сохранившаяся карета. На двадцатой версте показался столб, разделяющий Севастопольское градоначальство и Ялтинский уезд.

Дорога теперь пошла вниз, и «Руссо-Балт» покатился по зигзагам извилистого склона. Дубовые и буковые рощицы, заросли кизила и шиповника сопровождали автомобиль на всем протяжении пути. Достигнув Кунцевской церкви, он помчался по прямому отрезку южнобережного шоссе, все ближе подбираясь к месту назначения. Царские имения Ореанда и Ливадия первыми встретили пассажиров.

Город открылся не сразу – то мелькнули и вновь пропали из вида аккуратные белые домики на горе, то засинела и вновь исчезла часть бухты с прильнувшими к ней строениями.

ями. Массандровский новый дворец, лесничество и еще несколько отдельных усадеб, подобно казачьему дозору, виднелись на вершине холма. Вдали, почти на горизонте, отдавали золотом купола Александровского храма. В гавани за молом чернели трубы пароходов и остроконечные мачты парусников. Морской бриз уже доносил соленую свежесть моря и всплески волн.

– Вот и Ялта! – перекрикивая шум двигателя, радостно прокричал автомедон и осведомился у Мяличкина: – Вас тоже к гостинице «Россия»? Или вы предпочитаете другой отель?

– В «Россию».

Пассажиры оживились, рассматривая публику, гуляющую по улицам. В глаза бросилась характерная особенность Ялты – расположение построек носило дачный порядок, каждый жилой дом стоял в глубине сада, а привычных дворов и вовсе не было. Набережная тянулась от самого Полицейского моста через речку Дерекойку до Ливадийского, перекинутого по берегам быстрой Учан-Су. Любому приезжему было понятно, что на набережной сосредоточена вся публичная жизнь курортного города. Здесь находились лучшие гостиницы и магазины. Городской сад и Александровский сквер составляли с набережной единый природный ансамбль и прекрасно дополняли друг друга. А дальше, вглубь, тянулись улицы: Платановая, Аутская, Морская, Екатерининская и Пушкинский бульвар. Параллельно Набережной шла Виноградная улица, а по холму Дарсан-Садовая.

Прорывав еще несколько минут, «Руссо-Балт» застопорил мотор у дверей лучшей гостиницы города. Капитан достал портмоне, ожидая, пока французы выгрузят багаж.

– Возьмите, – он протянул водителю две красненькие.

Chauffeur опустил купюры в карман и тихо изрек:

– А вам не нужен личный водитель на время отдыха? Экскурсии на автомобиле совсем не утомляют.

– Да, но местные дороги оставляют желать много лучшего, – удивленно пробормотал Мяличкин.

– Здравствуйте. Я ротмистр Берг, Александр Самсонович. Предлагаю встретиться через час у Дерекойского моста – там готовят вкусные шашлыки. Извозчик домчит вас туда за несколько минут. Заодно поужинаем и все обсудим. Да, и возьмите назад ваши двадцать рублей, – он протянул купюры. – На эту сумму здесь можно откупорить дюжину бутылок местного вина и прикончить целого барашка. Честь имею.

Он вытащил ручку стартера, крутнул пару раз и, заведя мотор, тотчас же умчался. А вечерний сумрак тем временем выкрасил дома, деревья и людей в чернильный цвет. В Ялте наступил вечер.

II

Перед капитаном сидел господин в строгом сьоте и белой сорочке с галстуком. Своим видом он никак не напоминал недавнего разухабистого хозяина «Руссо-Балта». Поданный на лепешке шашлык оказался отменным, а белый и красный соусы придавали нежному мясу еще более утонченный вкус.

– Да, ничего не скажешь, умеют все-таки грузины готовить, – накладывая лобио из красной фасоли, выговорил Мяличкин.

– Вы, Константин Юрьевич, вот это блюдо попробуйте. Оно называется мцвади. Изумительная, скажу я вам, штука. Это баранина, запеченная в баклажанах, – наливая в бокалы «Ливадию», предложил ротмистр.

– Действительно вкусно, – согласился капитан. – Знаете, летом мы с женой обычно снимаем дачу под Санкт-Петербургом, и я, признаться, люблю иной раз покрутить вертел. Вот бы у повара узнать рецепт.

– А я вам его расскажу. Тут все очень просто: нарежьте баранину вдоль волокон так, чтобы куски по длине немного уступали заготовленным ранее баклажанам. А перед этим необходимо их тщательно промыть и сделать глубокие продольные надрезы. Очищать не требуется. Заложите мясо в эти своеобразные карманы. Посолите, поперчите. Главное, чтобы вы смогли надеть на вертел обе части баклажана и баранину. Блюдо жарится на углях и периодически смазывается растительным маслом.

– Действительно, ничего сложного. Непременно приготовлю. – Мяличкин внимательно посмотрел на ротмистра. – И все-таки, Александр Самсонович, для чего нужен был этот маскарад с водительским шлемом, очками, перчатками?

Берг промокнул салфеткой губы и ответил:

– Видите ли, задача, с которой вас сюда послали, очень непростая. И я, как мне объяснило начальство, обязан оказать вам полнейшее содействие. Севастополь, как военно-морская база, всегда интересовал британцев. По моим предположениям, теракт подготовит их человек именно оттуда. Моя основная агентура находится в Одессе и кое-кто в Севастополе. Так что мне придется разрываться между этими городами и Ялтой. Автомобиль – самый быстрый наземный транспорт. Вот потому я и решил выдавать себя за шофера, тем более что совсем недавно мы получили несколько новеньких «Руссо-Балтов». Водитель таксомотора – фигура неприметная. Да и на бензин мне не требуется казенных денег, как вы убедились, зарабатываю я сам. Но в данный момент мне лучше всего походить на человека вашего круга.

Мяличкин кивнул и, глядя куда-то в сторону, сказал:

– Знаете, в Петербурге за Распутиным был приставлен очень плотный надзор: полиция, жандармерия, охранники банков и даже люди из дворцовой полиции. Помимо доноительства они осуществляли и его физическую охрану. Но первого марта состоялся довольно неприятный разговор Государя с Председателем Совета Министров. Коковцев, как нам стало известно, убеждал Царя отослать «старца» в деревню. Самодержец весьма холодно на это отреагировал. Уверенный в том, что Григорий теперь навсегда отлучен от двора, Владимир Николаевич приказал министру внутренних дел убрать филеров. Александр Александрович выполнил сие указание слишком поспешно. Но уже через несколько часов мы зарегистрировали телефонный разговор между Распутиным и одним сенатором – близким другом Коковцева. Во время беседы Распутин просил передать министру внутренних дел, что его по-прежнему любит царская семья и он никуда не уедет. Как бы там ни было, но в Ялте «сибирский прорицатель» окажется без защиты. С ним будет только его секретарь, ну и, возможно, госпожа Лохтина – преданная поклонница.

– Вот тут как раз и пригодится мой «Руссо-Балт». Если вы сумеете узнать время прибытия Распутина в Севастополь, то я попытаюсь встретить его еще на железнодорожном вокзале. А уж потом соглашусь возить его по Ялте почти бесплатно.

– А вдруг он решит отправиться морем?

– Это невозможно. Катер начинает ходить на следующий день после Пасхи.

– Что ж, тогда попробуйте, – согласился Мяличкин. – А как вы определили, что я и есть тот самый командированный офицер Генерального штаба?

– Это совсем несложно, – усмехнулся ротмистр. – Во-первых, во всем составе было только два вагона международного класса, о чем свидетельствовала надпись общества Wagon lits. Во-вторых, вы оказались единственным мужчиной средних лет, который вышел на перрон в одиночестве и практически без багажа. Отсутствие больших чемоданов – верный признак военного, привыкшего обходиться малым.

– Вы очень наблюдательны.

– Благодарю вас, – Ротмистр окинул взглядом столики и добавил: – Мой человек в квартирной конторе, ведающей расселением приезжих, завтра передаст мне список лиц, прибывших в Ялту за последние две недели. Может, и отыщется несколько подозрительных личностей. С исправником я уже встречался. В городе тихо. Смертоубийств давно не было. Поднадзорных всего несколько человек; в основном это студенты, отчисленные из университетов за участие в антиправительственных митингах. Примерно два раза в неделю в порт заходят иностранные торговые суда. Пока они стоят под загрузкой, по Ялте гуляют их экипажи. Допускаю, что среди них может оказаться и связной того самого англичанина.

Мяличкин с аппетитом уплетал шашлык и внимательно слушал коллегу. Затем он поднял глаза, промокнул губы салфеткой и спросил:

– Вы где проживаете, Александр Самсонович?

– Снял комнату на Церковной, недалеко от собора Иоанна Златоуста. Дом № 7. Там есть пустующий каретный сарай, в который я и ставлю автомобиль.

– Хорошо. Встретимся завтра, часов в восемь вечера, но уже в каком-нибудь другом месте. Предлагайте, вы здесь ориентируетесь лучше меня.

– Кафе «Флорен». Это на набережной, павильон на сваях.

– Прекрасно. Ну что ж, я, пожалуй, прогуляюсь. Честь имею.

Мяличкин оставил несколько купюр и поднялся из-за стола. Выйдя на тротуар, он неторопливо побрел по улице. «Незнакомый город можно узнать только тогда, когда исходишь его пешком. Мало заметные переулки, проходные дворы, тупики – все может пригодиться. Да и случай – тоже дело немаловажное, – мысленно рассуждал Константин Юрьевич. – Коллеги рассказывали, что однажды шел вот так офицер, а ему навстречу прохожий, вроде бы обычной конторской внешности. Ан нет! Что-то в нем показалось военному подозрительным; поплелся за ним и проводил до самого дома. Сел на лавочку, папироску закурил и ждет, а чего ждет – сам не знает. Но не прошло и четверти часа, как тот же самый господин появился, но уже с усами и бородой. «Зачем, спрашивается, он их наклеил?» – сразу насторожился наблюдатель... Остальное было делом техники. Оказалось, что немецкий агент спешил на встречу с информатором из Военного министерства. Установили надзор. Позже взяли обоих. А внимательному поручику из Главного штаба раньше положенного срока присвоили штабс-капитана. Вот что значит внимательность!»

Город зажег электрические фонари. Сонно застучали о мостовую железные колеса старых фиакров. В уличных кафе раздавался женский смех и хлопки откупоренного шампанского. Далекий красный глаз маяка то закрывался, то наливался кровью.

6

Черная магнолия

Теплое весеннее солнце играло с городом и портом. Его косые лучи, точно копья Георгия Победоносца, врезались в корпуса пароходов, покрывая позолотой их стальные тела. Окна домов искрились от яркого света и слепили прохожих. Цветущие вязы в окружении вечнозеленых туй и кипарисов казались расфранченной придворной знатью, шествующей в сопровождении слуг. У берега носились чайки. Когда одной из них удавалось выловить клювом рыбешку, другие завистливо кричали. В густой зелени пирамидальных тополей беспокойно щебетали чибисы и надрывались скворцы, устраивая перед избранницами брачные танцы. На дороге показался моторный кабриолет. Он пронесся, словно выпущенная из лука стрела, и быстро исчез за поворотом, оставив после себя густое облако пыли. Но и оно скоро рассеялось, уступив место тихой идиллии южного города. На набережной, напротив гостиницы «Мариино», возникла фигура молодой женщины с черной собачкой на поводке.

Мужчины, сидевшие за столиками в кондитерской у Верне, разом повернули головы – незнакомка и впрямь того стоила. Брюнетка увидела, что на нее смотрят, замедлила шаг, явно наслаждаясь мужским вниманием.

– Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой, – отчего-то вслух выговорил Нижегородцев и отхлебнул глоток терпкого сухого вина.

Отложив «Русские ведомости» со статьей об открывшейся в Москве выставке воздухоплавания, Ардашев задумчиво проронил:

– Она гуляла одна... с белым шпиком.

– Позвольте-позвольте, сударь! Смею заметить, вы пропустили несколько строк. Вторым предложением у Антона Павловича было: «Дмитрий Дмитриевич Гуров, проживающий в Ялте уже две недели и привыкший тут, тоже стал интересоваться новыми лицами».

Адвокат повернулся. Перед ним сидел упитанный, круглый, точно пузырь, господин с редкими и какими-то общипанными усиками, чем-то напоминающими кошачьи. Он был одет в костюмную, слегка помятую тройку. Из жилетного кармашка свешивалась медная цепочка дешевых часов. Заношенная сорочка имела заломы на воротнике – верный признак частой и долгой носки. Покрытые пылью черные туфли казались серого цвета. «Вероятно, холостяк», – подумал Клим Пантелеевич и тут же сказал:

– Вы абсолютно правы. Но тогда мне следовало бы произнести не только упомянутое вами предложение, но и два последующих про этот павильон и их случайные встречи в городском саду. К тому же прошу обратить внимание, что в данном случае мы имеем далеко не полное сходство: у Чехова – блондинка, а перед нами – брюнетка, у него – шпик, а здесь – пудель.

– Невероятно! Я искреннее поражен вашими литературными познаниями! – восторженно воскликнул толстяк и затряс щеками. – Позвольте быть с вами знакомым. Меня зовут Ярополк Святославович Сорокопатов. Я литературный критик; пишу книгу о ялтинском периоде жизни Антона Павловича. Нахожусь здесь, можно сказать, в командировке и так же, как и чеховский Гуров, – уже две недели.

– Клим Пантелеевич Ардашев, адвокат, – склонил голову в приветственном поклоне присяжный поверенный. – А это мой давний спутник – доктор Нижегородцев, Николай Петрович.

– Рад, чрезмерно, можно сказать, рад... – Сорокопатов вертел в руках пустой бокал и, сглатывая слюну, жадно глядел на початую бутылку Лафита № 17. Заметив это, Ардашев, осведомился:

– Вы позволите угостить вас?

– О да! С превеликим удовольствием! В компании с такими образованными людьми, можно сказать, сам Бог велел...

– Ну, тогда за знакомство!

– Вы так любезны...

Осушив содержимое бокала, литератор заметно повеселел:

– А вы, Клим Пантелеевич, давненько ли в Ялте?

– Сегодня первый день.

– А где остановились?

– Ну, мы поступили так же, как обычно делал Чехов, когда приезжал сюда на отдых: оставили вещи в гостинице, а сами решили осмотреться. Думаю, выбрать какую-нибудь подходящую дачу.

– И долго вы собираетесь ею пользоваться?

– Не знаю, право, – пожал плечами Ардашев, – ну уж по крайней мере лет десять.

– Десять лет? – Сорокопьятов удивленно вскинул брови.

– Видите ли, – решил объяснить Нижегородцев, – мы собираемся купить в Ялте либо в ее окрестностях два дома. Прошедшая зима в Ставрополе была такой длинной и суровой, что Клим Пантелеевич уговорил меня отправиться на юг и обзавестись недвижимостью.

– Замечательное решение! Что может быть лучше, чем свой уголок на южном берегу. Такое разве что во сне пригрезится. – Он мечтательно прикрыл глаза и умиротворенно изрек: – Сидеть и писать под цветущей магнолией, любуясь на уплывающее в море солнце. Ах! Правда, мне такое счастье, видимо, уже не улыбнется...

– А вы не расстраивайтесь, – в глазах присяжного поверенного сверкнули озорные огоньки, – приезжайте к нам, когда захотите! Надоест у меня гостить – поживете у Николая Петровича, а потом снова ко мне.

– Вы меня просто удивляете своим поистине чеховским гостеприимством! – восторженно воскликнул новый знакомый. – Помню, как он потчевал меня: «Вы, – говорит, – голубчик, еще рюмку водки налейте и ветчинкой закусите. Непременно ветчинкой! И ни в коем случае соленым огурцом. Огурец он что? Соленая вода и только! А ветчинку-то в московских трактирах к водке всегда подавали. Ее в те времена «казенной закуской» нарекали. А вот следующую – тут уж никуда не денешься! – груздочком соленьким!...»

Ардашев не моргая уставился на собеседника и недоверчиво спросил:

– Вы что же, были знакомы с Чеховым?

– А как же? С самого девяносто шестого года...

– Простите, с како-ого? – подавился вином Нижегородцев.

– С девяносто шестого, – пожал плечами литератор. – А что тут удивительного? Мы случайно встретились на отдыхе в Кисловодске. И если хотите знать, это ведь именно я придумал это самое название – «Дама с собачкой»!

– Вы? – доктор оторопело уставился на писателя.

– Это, господа, случилось в августе. В то время я был учителем словесности у нас в Костроме. Подсобрал я деньжонок и отправился на воды. Так случилось, что поселился я тогда в той же самой гостинице, что и наш великий писатель. Виделись с ним на завтраках, раскладывались и как-то незаметно, можно сказать, подружились. Помню, стоим вдвоем перед Курзалом, а поодаль мадам – сущий ангел; на поводке у нее – мопс. Антон Павлович посмотрел на нее и как-то задумчиво произнес: «Дама с мопсом». А я и говорю: «Дама с собачкой звучит как-то интересней». «Ну, да, – согласился он, – так определенно лучше».

– А какую же гостиницу выбрал Чехов? – осведомился адвокат.

– Жили мы с ним в «Гранд-отеле». Вечерами ходили на симфонический оркестр, который играл на площадке у Курзала. Он потом встретил там каких-то знакомых артистов, и они уехали на охоту в горы. Вот уж название запомнил, какое-то туземное, не наше...

– Может, Бермамыт? – подсказал Нижегородцев.

– Да-да, именно так!

– Послушайте, Ярополк Святославович, – восхищенно вымолвил присяжный поверенный. – Мы вас теперь от себя не отпустим. Вы уж, пожалуйста, не жадничайте, поведайте нам о Чехове.

– Видите ли, – вмешался доктор, – Клим Пантелеевич писатель и драматург. Две его пьесы поставил наш ставропольский театр.

– Так что ж вы раньше молчали! – вскинув руки, обрадовался Сорокопятаев. – Нам сам Бог велел познакомиться! А где вы печатались?

– Мои рассказы выходили отдельной книжкой у Суворина, но тираж был невелик. Я пишу под псевдонимом.

– И как, позвольте узнать, ваше литературное прозвище?

– Побединцев, Клим Побединцев.

– Нет, к сожалению, не слышал. Но это ничего... А книжечки, случаем, не найдется?

– С собой нет, но если хотите, я вам позже вышлю.

– Непременно. Но, быть может, в магазине у Синани найдется экземпляр, – предположил Сорокопятаев. – Вот уж непременно попрошу у вас автограф!

– Ох, и разбередили вы душу мою грешную «рюмочками» да «груздочками», – проба- лагурил Нижегородцев, – мочи нет! Так что позвольте, господа, пригласить вас отметить зна- комство в ресторане. Какое заведение порекомендуете, Ярополк Святославович?

– Лучшим, бесспорно, является ресторация при гостинице «Россия», но ведь пост...

– Ах да, виноват, господа, – стушевался Нижегородцев. – Но ничего, надеюсь, мы еще наверстаем.

– Ну и грешники мы с вами Николай Петрович, – допивая содержимое бокала, выговорил Клим Пантелеевич. – Сейчас самое время о Боге думать, а мы «водочка», «ветчинка»...

Издали донесся переливчатый колокольный звон.

– Слышите? К акафисту зовут... Надо бы в здешний храм навеститься.

– А в какой именно желаете? – поймал взгляд собеседника Сорокопятаев. – В Ялте, как я выяснил, всего восемь церквей, три из них – домовые. Прямо перед нами – храм святого Александра Невского. Он установлен на средства горожан в память об убиенном императоре Александре II.

– Позвольте-позвольте, – вмешался в разговор Нижегородцев, – а я где-то слышал, что основание этого собора связано со смертью Александра III, почившего в Ливадийском имении осенью девяносто четвертого года.

– Нет-нет, уверяю вас – это ошибочное мнение. Я читал в «Русской Ривьере», что именно на заседании Городской думы в марте 1881 года и было принято сие решение. Правда, сна- чала построили небольшую деревянную часовню и уже потом, при нынешнем Государе, воз- ник сегодняшний храм. Тут недалеко.

– Пожалуй, мы пройдемся, – изрек Ардашев и повернулся к официанту. – Возьми, любез- ный, сдачи не надо, – он протянул две рублевые купюры. В этот момент литератор сделал вялую попытку вынуть бумажник, но адвокат жестом остановил его:

– Нет-нет, позвольте мне. Сожалею, но нам пора – у нас запланирована встреча в конторе одного местного комиссионера по купле-продаже недвижимости. Он обещал помочь с приоб- ретением дач. Его фамилия Ненааров. Не слышали о таком?

– А как же! Говорят, у него самый высокий куртаж, но зато имеется приличный штат собственных агентов. Ну, не буду вас больше задерживать. Искренне рад знакомству. Культур- ные люди в наше время – точно алмаз на пыльной дороге, – подобострастно пролепетал Соро- копятаев. – Смею откланяться.

– Надеюсь, еще увидимся, – попрощался Клим Пантелеевич и вместе с доктором зашагал к Александровскому скверу.

Прогулка по набережной доставляла Ардашеву наслаждение. И дело было не только в теплой весенней погоде, обилии цветущих деревьев, нескончаемом клекоте чаек или шуме морского прибоя. Просто было интересно наблюдать за окружающими. Отчего-то вспомнились слова Чехова о Ялте как о помеси «чего-то европейского, напоминающего виды Ниццы, с чем-то мещански-ярмарочным». Интерес представляла и местная беззаботная публика. Кого тут только не было! Барышни с кавалерами, толстосумы, жаждущие развлечений, и одинокие «охотницы за счастьем», приехавшие в надежде подыскать себе ухажера хотя бы на несколько дней. Кажется, что все здесь пропитано весной и любовью. Дух этого чеховского адюльтера словно витал вокруг. Вот и чайки-хохотуньи кричали об этом, и море шумело как-то по-особенному. А местные дамы, похоже, были не прочь хоть на миг почувствовать себя той самой, любимой и обожаемой Анной Сергеевной. Только вот московских банкиров на всех не напасть.

– А вы не находите, Клим Пантелеевич, что здешний beau monde значительно отличается от того, что мы встречали в Кисловодске? Там, на водах, все делали вид, что приехали поправить здоровье, здесь же в основном лечатся только чахоточные больные. Остальные – лениво и откровенно бездельничают...

– Скажите, доктор, а далеко ли нам еще до этой самой конторы?

– Как мне объяснили, это примерно минут двадцать пешком... Может, найдем извозчика?

– Ни в коем случае. Неспешный променад полезен для здоровья, – проговорил Ардашев, и неожиданно его взгляд выхватил из людского потока человека в котелке и с тростью, который, вероятно, куда-то спешил. Незнакомец остановился у чистильщика обуви, оглянулся, но едва забежали проворные щетки по его правой туфле, как он бросил монетку и вновь заторопился. Однако саженой через десять он принялся разглядывать витрину магазина модной мужской одежды. «Надо же, – удивился Клим Пантелеевич, – будто проверяет, нет ли за ним хвоста. Нервничает. Не иначе как беглый анархист-коммунист. И каким ветром занесло в Ялту этого революционера?»

Рука присяжного поверенного невольно опустилась в карман, где покоилась коробочка монпансье «Георг Ландрин». Но размышления адвоката внезапно прервал паровой гудок – у мола разворачивался, охая и крихтя, однострубный теплоход, вернувшийся из Феодосии. На его черном теле красовалась надпись: «Князь Потемкин». Нижегородцев тоже замедлил шаг, завороченно разглядывая стальную, дышащую паром машину.

«Да... – Ардашев вновь нащупал убежавшую нить мыслей, – анархисты, коммунисты, социалисты-революционеры... Какая разница? Такого человека загубили! – горестно вздохнул он, вспоминая прошлогоднее покушение на статс-секретаря Столыпина. – А вот пострадавшему артисту Берглеру повезло – жив остался! Да еще и пособие назначили – десять тысяч». Клим Пантелеевич вновь скользнул взглядом по набережной, пытаясь отыскать того странного типа, но его уже и след простыл. Адвоката не покидало ощущение, что походка этого человека ему кого-то напоминала, но кого именно, он вспомнить не мог. «Жаль, лица не разглядел», – с горечью пробормотал он и положил под язык прозрачную конфетку.

Пройдя мол, присяжный поверенный уже не мог видеть, как тот самый «нервный» господин в котелке растворился среди зевак, глазающих на пароход с аббревиатурой РОПиТа, и как совсем другой человек точно с такой же тростью, приблизившись к нему, тихо спросил:

– Вам доводилось когда-нибудь видеть, как цветет черная магнолия?

Незнакомец в котелке обернулся.

– Да, это незабываемое зрелище.

– Здравствуйте. Мы очень довольны вашей работой. На ваш банковский счет в Лондоне переведена сумма в триста фунтов.

– Благодарю.

– Следующая встреча ровно через неделю в это же время в городском саду. Я буду сидеть на третьей лавочке слева от входа. Честь имею кланяться, – тихо произнес долговязый человек. Поменяв трость, он зашагал прочь, судорожно вспоминая, где же он видел того импозантного господина в черном костюме, который так внимательно смотрел в его сторону.

Выйдя к дороге, он нанял извозчика и быстро нагнал двух мужчин, неспешно следующих мимо Александровского сквера. Поравнявшись с ними, незнакомец аккуратно выглянул из-за полога коляски и сразу же вспомнил эти правильные черты лица. Правда, теперь на нем не осталось и следа от роскошных, завитых кверху усов. «Несомненно, это он – тот самый Курт Вагнер – русский агент, выдававший себя за австрийца. Семь лет назад я разрядил в него почти весь барабан своего уэбли. А он все-таки выжил... Интересно, что же он тут делает? Придется разбираться...»

7

Старый знакомый

Начальник Иностранного отдела Бюро секретных служб Соединенного Королевства капитан Менсфилд Камминг с удовольствием сделал глоток любимого индийского чая с молоком. Поднявшись из-за стола, он подошел к окну штаб-квартиры, расположенной на Уайтхолл-Корт. Март выдался холодным. В Лондоне шел дождь. Косые струйки били по стеклу и, превращаясь в капли, послушно стекали вниз.

По тротуарам семенили прохожие. В лужах, как в кривом зеркале, отражались фонари, стволы деревьев и водосточные трубы. В такие минуты бывшему морскому офицеру казалось, что столица британского королевства превращается в какой-то сказочный, нереальный мир, где все предметы живут, дышат и чувствуют точно так же, как и люди. Он любовался городом, закутанным вуалью тумана, и жалел, что Господь не наделил его искусством живописца.

Менсфилд снова отхлебнул из фарфоровой чашки и улыбнулся: теперь можно было немного расслабиться и не спеша обдумать план дальнейших действий. Главное – майор Кадберт Борнхил сумел удачно легализоваться в России и уже наладил связь с источником. Доказательством того являлась шифровка, полученная час назад по телеграфу из русской столицы. Лист веленовой бумаги с коротким сообщением лежал на зеленом сукне письменного стола начальника разведывательной службы Британии.

Мистер Камминг гордился тем, что система связи с агентом была разработана им лично. Несмотря на кажущуюся простоту, она полностью оправдывала себя, хоть и была до крайности проста: агент, выехав предварительно в другой город, отсылал зашифрованное письмо вполне невинного содержания на адрес ничего не подозревающего обывателя, допустим, в Великие Луки. Последний, будучи уверен, что все дело в тайной любовной связи, за вознаграждение пересылал почту на указанное имя в какой-нибудь Выборг или Малоярославец с отметкой «до востребования». В условленный день курьер получал нужный конверт и привозил его в Петербург, где оставлял в тайнике, в так называемом «почтовом ящике», откуда стараниями британского дипломата оно попадало в английское посольство. Несколько длинно – зато надежно. Но в случае если вдруг сообщение удастся перехватить противной стороне, то выйти на агента будет практически невозможно, потому что обывателя использовали «втемную» и на нем вся длинная нить обрывалась.

Разведывательная служба Британии официально получила свой статус всего три года назад. Чувствовалось, что война с Германией не за горами. Немцы желали потеснить англичан в колониях и не скрывали агрессивных намерений. В прошлом году, находясь на дипломатическом приеме, Менсфилд лично слышал, как германский посол в Лондоне Вольф-Меттерних заявил помощнику статс-секретаря по иностранным делам сэру Артуру Никольсу буквально следующее: «Между 1866 и 1870 годами Германия сделалась великой державой, но побежденная ею Франция и Англия поделили между собою мир в то время, как Германия получила одни крохи. Теперь настала для Германии минута предъявить свои законные требования». Да и перехваченная тогда же телеграмма русского посла в Лондоне, графа Бенкендорфа, свидетельствовала о том, что к осени Германия потребует от Франции территориальных уступок в Северной Африке. Так и случилось. После нескольких воинственных демаршей в октябре 1911 года обе стороны подписали Марокканское соглашение, по которому Германия признавала особые права Франции на Марокко, но взамен Париж согласился расстаться с частью своих владений на этом континенте. Теперь на пути дальнейшей немецкой экспансии стоял только Лондон.

Но если народ Германии так хочет войны, то пусть воюет с Россией, а не с Британией. И для этого есть все условия: на Балканах разгорается конфликт Сербии, Черногории, Болгарии и Греции с Турцией, уже втянутой в войну с Италией. Газеты ежедневно сообщают, что турецкие части панически оставляют окопы, стоит лишь появиться в небе дирижаблям-бомбометам. Что и говорить, задача, поставленная правительством ведомству Камминга, была непростой – любой ценой втянуть Россию в конфликт на Балканах. В таком случае на помощь османам немедленно придет Австро-Венгрия, а с ней и Берлин. Стало быть, Россия и Германия увязнут в бесконечном самоубийственном конфликте.

И все складывалось как нельзя лучше: Великий князь Николай Николаевич уже почти убедил своего царствующего племянника, что война России сейчас необходима; с ее помощью удастся не только объединить нацию вокруг Государя, но и выполнить историческую миссию – вернуть Константинополь в лоно христианства. И в тот момент, когда император уже был готов выступить на стороне Балканского союза, появился этот неграмотный сибирский мужик – Григорий Распутин. Вот уж действительно от русских можно ожидать чего угодно!

Однако теперь предстояло его убрать, но сделать это необходимо так, чтобы на Лондон не упала даже тень подозрения. Кандидатов на проведение операции было несколько, но агент Донн считался лучшим, и потому можно было не сомневаться в успехе, если бы не новое обстоятельство...

Камминг вновь пошел к столу и уже в который раз стал вчитываться во вторую часть секретного послания: *«Возникли непредвиденные трудности. В Ялте находится бывший русский агент, в прошлом выдававший себя за подданного Австро-Венгрии. Он был ранен мною в Стамбуле в июне 1905 года, тогда ему удалось перехватить личное послание премьер-министра А. Бальфура нашему представителю на переговорах с Россией по разграничению сфер влияния в Персии. Его имя – Клим Ардашев. В настоящее время он вышел в отставку и является присяжным поверенным Ставропольского окружного суда. Имеется вероятность моего раскрытия. Прошу разрешение Центра на его устранение. Донн».*

«Итак, майор уверен, что легко справится с этим русским адвокатом. Дай-то Бог, дай-то Бог, – Камминг плюхнулся в кресло и нервно забарабанил пальцами по столу. – А если нет? Если этот Ардашев почувствует неладное? Что тогда? А может, направить в Ялту другого агента, который и займется Распутиным, а майора Борнхила немедленно отозвать в Лондон? Но сколько уйдет на это времени? И что я доложу премьер-министру? На Даунинг-стрит мои оправдания и слушать никто не захочет...» Камминг взял бланк для составления шифрограммы и аккуратно вписал всего одно предложение: «Ликвидацию К. Ардашева разрешаю. Центр».

8

Вербное воскресенье

I

Император Всероссийский Николай II с борта яхты «Штандарт» холодно взирал на убранную гирляндами зелени и цветастыми коврами Ялту. Волны бежали и разбивались о мол, оставляя позади сердитые белые гребни. Неистово бесновались бакланы, точно предчувствуя скорый шторм. Город искрился в лучах полуденного солнца. В Александровском саду возвышались трибуны симфонического оркестра. Вся правая сторона набережной была занята публикой: курортники, жители Ялты и окрестностей ждали своего Государя. Страна, которой он управлял уже восемнадцать лет, шла вперед семимильными шагами.

Николай Александрович гордо расправил грудь. Жизнь ста восьмидесяти миллионов верноподданных на одной шестой части земной суши всецело зависела от него. Империя становилась крепче день ото дня. Европа и даже далекая Америка с опаской посматривали на огромную державу. И если к бакинской нефти, уральскому чугуну, сибирскому лесу и южнороссийскому зерну за рубежом давно привыкли, то понимание того факта, что Россия выдвинулась на первое место в мире по производству дизелей и тяжелых четырехмоторных самолетов, на западе вызвало шок. Повсеместно возникали новые заводы и фабрики. Для многих государств золотой червонец являлся самой предпочтительной валютой. Государство с тысячелетней историей окрепло настолько, что могло позволить себе масштабную военную реформу: от повсеместного введения нового солдатского обмундирования до создания авиационных отрядов. Кто бы мог подумать, что эта темная в недавнем прошлом крепостная страна сумеет достичь таких невероятных успехов и – чем черт не шутит! – грозит теперь поглотить не только отсталую Османскую империю, но и подчинить себе передовую Европу. И стародавняя мечта Екатерины II о православном Константинополе могла наконец стать явью. А ведь еще совсем недавно помазанник Божий был вынужден выслушивать многочисленные наставления своих царственных дядей. Каждый из них полагал своим долгом поучать молодого Государя. И всем чего-то от него было нужно. Николай Николаевич мнил себя великим военачальником. Алексей Александрович – флотоводцем. Сергей Александрович считал, что московская губерния – его собственное имение. Владимир Александрович зорко следил за развитием театров, художественными выставками и деятельностью писателей. Все они считали себя непререкаемыми авторитетами в своих областях и без особого энтузиазма позволяли Государю вмешиваться в контролируемые ими сферы. В результате произошло то, что должно было случиться: позорное поражение в русско-японской войне и беспорядки 1905 года. Волна восстаний городского населения прокатилась по всей стране. И только славный Петр Алексеевич Столыпин сумел вывести страну на верную дорогу. Но и его убили. Бунтовщики ликовали. Как сообщал директор Департамента полиции, один молодой социал-демократ, узнав о смерти председателя правительства, пришел в такой неистовый восторг, что на радостях вытащил из кармана браунинг и выстрелил в затылок проходящему мимо околоточному надзирателю. А потом долго хохотал... «Господи! Неужели именно такой свободы они хотят? Безднаказанно убивать, насиловать, грабить? – мысленно возмутился император. – Ведь даже студенты – будущее страны, а как вели они себя, эти базаровы, и трофимовы, в феврале девятьсот первого в Петербурге, Москве и Харькове? Доставленные в манеж на Моховой молодые лоботрясы развлекались не только хорovým пением и антиправительственными речами, но и на глазах у всех бессовестно предавались групповой любви со случайно задержанными проститутками».

Одoleваемый невеселыми мыслями Николай Александрович не заметил, как судно пристало к молу. С мачты спустили императорский штандарт, и в ближайшей церкви Святого Александра Невского раздался колокольный звон – верный знак того, что Его Императорское Величество Государь Император с августейшим семейством изволили покинуть яхту и отбыть.

II

Ардашев, Новгородцев и Аристарх Рюрикович Яблонский – сотрудник частной конторы недвижимости «Ненароков и К°» – оказались именно теми счастливыми, мимо которых должен был последовать Государь.

– Вот-вот, господа, еще минутку, и они появятся, – тараторил Яблонский – полный мужчина средних лет со шкиперской бородкой и бегающими веселыми глазами. Посланный по поручению своего хозяина сопроводить заезжих покупателей до дома продавца двух дач Яблонский говорил без умолку. Казалось, он знал подробности отвода каждого земельного участка и стоимость любого здания. Сыпал фамилиями титулярных и коллежских советников, получивших ту или иную взятку за выдачу разрешения на возведение строения.

И только аккорды народного гимна, сыгранные оркестром по случаю прибытия Государя, заглушили его трескотню. Тут же раздались отдаленные раскаты «ура!», подхваченные тысячами восторженных голосов. Со стороны мола показались первые экипажи царского кортежа.

– Обратите внимание, господа, – бросился объяснять Аристарх Рюрикович, – впереди едет наш губернатор – граф Апраксин. За ним в экипаже стоит начальник ялтинской полиции Гвоздевич, а дальше, вон там, Думбадзе – начальник ялтинского гарнизона.

Через несколько секунд на набережной возникла открытая, запряженная парой великолепных лошадей коляска. В ней восседали Государь и Государыня. Благодаря тому, что лошади шли мелкой рысью, августейшую семью было хорошо видно: Николай Александрович сидел рядом с Александрой Федоровной, а впереди – цесаревич Алексей и великая княжна Ольга Николаевна. Царь с супругой поклонами отвечали на приветствия восторженной публики. Гремел оркестр.

– Смотрите-смотрите, – воскликнул комиссионер, – а следом едут их дочери: великие княжны Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна с фрейлиной Тютчевой. А за ними, если я не ошибаюсь, – министр императорского двора барон Фредерикс, ну и, вероятно, дворцовый комендант, а вот кто остальные – сказать затрудняюсь, – извинительным тоном проговорил Яблонский, будто знание придворных чинов являлось обязательным для посредника по продаже недвижимости.

– Далее следуют генерал-адъютант Дедюлин, флаг-капитан, генерал-адъютант Нилов, генерал-майор свиты князь Орлов, флигель-адъютант Дрентельн, – невозмутимо продолжил список Ардашев.

Сопровождающий округлил от удивления глаза и осведомился:

– Вы, верно, при дворе служили?

– Нет, – рассмеялся Ардашев, – в номере под ножкой тумбочки я обнаружил туго свернутую страницу прошлогоднего выпуска «Русской Ривьеры» за двадцать первое сентября. Там я и прочел о приезде Государя в Ялту по случаю постройки нового Ливадийского дворца. А фамилии запомнились сами собой. Однако вижу, что с того самого времени ничего не изменилось. И кортеж тот же, и церемония повторяется.

– Вы правы, – повеселел Яблонский. – Но в этом нет ничего удивительного. Церемонии двора не меняются столетиями. А нам надобно идти. Повернем на Екатерининскую, а оттуда уже на Виโนградную.

Миновав трехэтажную гостиницу «Санкт-Петербург», построенную в стиле итальянского ренессанса, Яблонский повел клиентов вверх по улице. За Курзалом располагалась публичная библиотека. Доктор невольно повернул голову в сторону ее входных дверей, из которых показался офицер в полковничьей форме и с картонной папкой в руках.

– Николай Петрович! – обрадованно воскликнул военный.

– Надо же! – расцвел гиацинтом Нижегородцев. – Вот уж не ожидал тут вас встретить!

– А вы, я смотрю, и здесь неразлучны с Климом Пантелеевичем! И каким же ветром вас сюда занесло?

– Ставропольским, – отшутился Ардашев.

После рукопожатия доктор поинтересовался:

– А вы вроде бы в Москву собирались?

– Был и там, но пришлось ехать сюда... Что поделаешь – служебная надобность. А вы, я вижу, без своих половин следуете...

– Мы, Василий Ильич, тут тоже по сугубо важным делам, – с едва слышимой иронией проговорил врач, – во-первых, только что мы встретили Государя, а во-вторых, собираемся приобрести в Ялте два небольших, но вполне уютных домика, где надеемся коротать время в старости – она ведь не за горами. А вы где проживаете?

– Вот те на – о старости заговорили! А как же ваши знаменитые расследования? – вскинул от удивления брови офицер. – Вы же, Клим Пантелеевич, без них со скуки умрете!

– Займусь сочинительством, – махнул рукой Ардашев. – Кстати, Василий Ильич, а как насчет того, чтобы вечером расставить пирамидку? Можно хоть здесь, – он указал на дверь Клуба с изображением двух перекрещенных бильярдных киев.

– Рад бы, – тяжело вздохнул полковник. – Но мне предстоит подготовиться к одной очень важной аудиенции. – Он на секунду задумался: – А давайте сделаем вот что: вы сообщите мне, где вы поселились, а я, как только немного управлюсь со своими заботами, сразу же вас отыщу. Идет?

– Хорошо. Мы остановились в «России». Я в двенадцатом, а Николай Петрович в тринадцатом номере.

– Вот и договорились. Не буду вас задерживать. Честь имею.

– До встречи, – присяжный поверенный проводил удаляющегося полковника внимательным взглядом. Повернувшись к Нижегородцеву, он тихо спросил: – А вы не находите, что Левицкий несколько скрытен?

– Да. Так и не сказал, где квартирует.

Забывший всеми Яблонский безропотно ждал в сторонке, заложив руки за спину.

– Вы уж простите нас, Аристарх Рюрикович, что мы вас задержали, – извинился Клим Пантелеевич, – далеко еще?

– Мы почти у цели, – объяснил комиссионер, – вот за поворотом налево – «Общество взаимного кредита», а рядом – усадьба господина Илиади.

Пройдя десять саженей, он остановился у массивной двери дома с четырьмя колоннами и нажал на пуговку электрического звонка. Вскоре отворилась дверь, и на пороге появилась прислуга:

– Я из конторы Ненарокова. Хозяин дома?

– Константин Георгиевич в отъезде. Будет только в среду, 21-го марта. А Элеонора Марковна на набережной – смотрят приезд Государя, – пролепетала стеснительная горничная, видимо, оторопевшая от компании столь солидных господ.

– Какая жалость! Мы вроде бы договаривались о встрече, – растерянно заметил посредник.

Опустив глаза, девушка молчала.

– До свидания, – сухо сказал ей Яблонский и повернулся к спутникам. – Что ж, господа, прошу извинить. Как видите, моей вины в этом нет. Однако я готов показать вам другие дачи. Если не возражаете – пройдемте прямо сейчас.

В этот момент раздалось тихое женское всхлипывание. Ардашев обернулся. Совсем рядом, саженей в четырех, между двумя зелеными кипарисами виднелась женская головка в берете. Утирая глаза крохотным платочком, на деревянной скамейке тихо плакала брюнетка.

«Господи, так это именно она гуляла на днях с собачкой на набережной. Точно – она», – вспомнил присяжный поверенный. Приблизившись, он спросил:

– Извините, мадам, могу ли я чем-нибудь вам помочь?

– Да... нет... я не знаю. У меня собака пропала. Ошейник порвался. Вилли бегал вокруг, я все его поймать хотела, а тут, как назло, в кустах дворняга показалась. Он и погнался за ней. Больше я его не видела. Что делать теперь? – лепетала она.

– Вы только не волнуйтесь, найдется, – успокоил Нижегородцев.

– Главное, чтобы пес был с ошейником, – вставил реплику Яблонский. – Ошейник – первый признак того, что собака хозяйская, а не дворняжка безродная. А то ведь фурманщики с ними особо церемониться не будут – поволокут крюками на живодерню, и все – поминай как звали. Так, скажите: был у вашего Шарика ошейник или нет?

– Нне-ет!.. – пуще прежнего зарыдала женщина, подняв с земли два куска сыромятной кожи.

– Плохо дело. Я бы сказал – хуже не придумаешь. Сварят теперь мыло с вашего Трезора и «ой» не скажут. Или еще хуже, – вытирая платком потный лоб, давал волю разгулявшейся не к месту фантазии комиссионер, – отдадут фельдшерам – аппендиксы будут на нем учиться резать. Сначала удалят подопытному одну почку, потом – другую. Или лапы по очереди отнимут...

– Аристарх Рюрикович, вы свободны, – сухо проговорил Ардашев. – Если вы нам понадобитесь, мы с вами свяжемся.

– Ну, как знаете, – хлопнул себя по бедрам Яблонский и стал похож на большую жирную птицу, пытающуюся взлететь. – А то я по доброте душевной дамочке помочь собирался...

– До свидания, – настойчиво повторил присяжный поверенный.

Дождавшись, пока Яблонский удалится, Ардашев присел на лавочку. Дама все еще плакала беззвучно. Клим Пантелеевич поймал себя на мысли, что любитесь незнакомкой. «Надо же, красивые женщины всегда привлекательны; даже когда рыдают... Ей, должно быть, нет еще и тридцати».

– Вы, пожалуйста, успокойтесь. Пуделя вашего я найду. И сделаю это прямо сейчас.

Она впервые подняла на него глаза и, удивленно наморщив лоб, спросила:

– А откуда вам известно, что Вилли пудель? Я вам, по-моему, этого не говорила.

– Вы правы. Но я видел, как вчера в полдень вы гуляли с ним на набережной.

– Да, – закивала брюнетка, – это правда.

– Так куда, говорите, он побежал? Туда? – указывая тростью в сторону цветущей белыми гроздьями резеды, поинтересовался Клим Пантелеевич.

– Да.

Раздвинув руками кусты, Ардашев пробрался сквозь небольшие заросли и увидел удивительную картину. Тот самый пудель лежал рядом с маленькой дворняжкой. Судя по всему, их близкое знакомство уже состоялось.

Стараясь не нарушить собачью идиллию, адвокат вернулся к брюнетке.

– Идите сюда, – прошептал он и поманил ее к себе.

Женщина встала и в сопровождении доктора начала осторожно пробираться сквозь ветки.

– А вот и ваш Вилли.

– Вилли! Вилли! Ко мне! – закричала обрадованная дама.

Пудель бросился к хозяйке и тут же оказался в ее руках.

– Вот, собственно, и все, – снимая с костюма прошлогодний репейник, проговорил Ардашев. – Нам пора.

– Я даже не знаю, как благодарить вас, – она хлопала большущими глазами и растерянно улыбалась.

– Всего доброго, – Нижегородцев склонил голову в прощальном поклоне и удалился. Приятели шли назад молча. Первым заговорил доктор:

– Согласитесь, Клим Пантелеевич, эта дама с собачкой весьма недурна собой. Не находите?

– Глупо было бы это отрицать...

– Было бы удивительно, если бы вы со мной не согласились! Видано ли, чтобы один из самых известных адвокатов, в костюме, шитом на заказ у лучшего московского портного, чуть ли не на четвереньках продирался по кустам в поисках чужого пса!

– А разве есть мужчины, равнодушные к очаровательным особам противоположного пола? – усмехнулся адвокат и, вздохнув, добавил: – Да еще у которых такие бездонные глаза!

Нижегородцев рассмеялся. Ему в ответ с макушки старого тополя что-то беспокойно прокричал грач, за ним затрещал дрозд. А на самом горизонте разлитой ртутью покоилось море. Стоял штиль.

9

Английская партия

Кадберт Борнхил был не просто англичанином, он был джентльменом. Выросший в аристократической семье, Кадберт с ранних пор привык не только к роскоши, но и к порядку. Еще в детстве он никак не мог уразуметь, почему, когда его учили этикету, старшие всегда употребляли французскую фразу *poblesse oblige* – «положение обязывает», хотя в английском варианте она звучала намного понятней – *pobility obliges*. Это ведь только невежа думает, что аристократом становятся раз и навсегда. Формально, возможно, это и так, но в реальности поведение настоящего дворянина, будь он граф, виконт или барон, должно оставаться безукоризненным в течение всей жизни. Если, конечно, он не шпион. Шпиону прощается многое: воровство, убийство, шантаж, прелюбодеяние – все что угодно, лишь бы это делалось на благо британской короны. Но наступает момент, когда в душе человека появляется конфликт между воспитанием и действительностью. Это приводит к раздвоению личности. Чем лучше агент, тем он бессовестней, лживей и коварней. Некоторые из них пытаются сравнивать себя с актерами – ничего подобного! Артист играет пьесу, написанную для него другим человеком. Он действует по правилам сценического искусства, и ни одно из них не противоречит библейским заповедям. Другое дело разведчик. Он думает, что сам себе Бог. Но это не так. И позже на Страшном Суде гореть ему в адовом пламени вместе с остальными грешниками. Может, именно поэтому Кадберт и выбрал себе такой необычный псевдоним – Донн. Так у древних кельтов назывался бог смерти. Вместе со своими людьми он добрался до юго-западной оконечности острова и привел их к победе над племенами богини Дау. Но Донн возомнил себя великим божеством и посмел оскорбить богиню земли Эриу. Этого ему остальные боги не простили. Они сбросили наглеца в море. На месте его падения возник остров – Обитель Донна, – ставший царством мертвых. Именно туда уплывали души людей, окончивших свой жизненный путь. Легенда мрачноватая, но, согласитесь, красивая.

Примерно такие невеселые мысли роились в голове потомственного английского дворянина – графа Кадберта Борнхила, бывшего на сей момент по паспорту русским подданным. Сидя в кресле меблированной комнаты, он докуривал уже третью папиросу подряд и смотрел на расставленную на кофейном столике шахматную партию. «Итак, что мы имеем на сегодняшний день? – мысленно задался вопросом разведчик и передвинул белого слона. – Несомненно, что в Министерстве иностранных дел завелся русский осведомитель, который и сообщил о моей миссии. Именно поэтому из Санкт-Петербурга в Ялту командирован этот капитан. Я видел его – впечатления не производит. Ему водку хлыстать в офицерском собрании, а не на британских подданных охотиться. Ладно, о русском шпионе укажем в шифровке. Пусть Камминг сам ломает голову, кто предатель. Теперь Ардашев. Тянуть больше нельзя. Пора его убирать, – Кадберт поднял черного коня и поставил на место ладьи. – Но эту работу должен выполнить я сам. Желательно покончить с адвокатом еще до Пасхи... Но посмотрим. Тут как ни крути, а *Discretion is the best part of valour*, или, как говорят русские: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Агента подключать к этой операции нельзя – не стоит рисковать таким ценным источником. Каких титанических усилий стоило его завербовать! – Он усмехнулся в усы, припоминая детали той операции. – Да, было времечко! Ну да ладно, теперь главное – Распутин. Это бородатое чудовище явится не сегодня завтра. Чинар – надо отдать ему должное – собрал устройство всего за два дня. У него явные способности к механике. Какая оригинальная конструкция! И как все просто! Ничего-ничего, доберусь до Лондона – запатентую это изобретение как собственное». Майор переставил черного ферзя к белому королю и объявил шах. Он улыбнулся и понял, что соперник попал в западню. «Мат. Что ж, по-моему, я неплохо разыграл

эту комбинацию. Если мне не изменяет память, этот дебют носит название английской партии. Надо же! Какое совпадение! Ну и, наконец, полковник... Зачем он так настойчиво пытается попасть к Царю? Что ему нужно?» – агент Донн затушил папиросу табачной фабрики «Оттоман» и нервно заходил по комнате, пытаясь отыскать разгадку, но подходящий ответ так и не приходил на ум. «Надо за ним понаблюдать», – благоразумно решил он и наконец успокоился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.